
ИСТОРИЯ СИБИРИ

© Н.С. ГРУЗДЕВА, В.Я. ТЕМПЛИНГ

nadezhda-gruzdeva@yandex.ru, tmp1@mail.ru

УДК 94:271.2 (571.12).07

ПОЛЕМИКА О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ФЕДОСЕЕВСКОГО И ФИЛИППОВСКОГО СОГЛАСИЙ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЩИНЕ ФИЛИППОВЦЕВ (конец XIX века)

АННОТАЦИЯ. На основе анализа оригинальных старообрядческих сочинений конца XIX в. лидеров тюменских староверов филипповского согласия В.И. Макарова и И.Г. Куньдукова характеризуется внутреннее состояние общин. Раскрывается полемика между отдельными группировками, выделяются основные спорные вопросы: наличие креста на кадильнице, надпись на кресте, отношение к «староженам». Делается вывод о сужении круга спорных тем, которые ограничиваются исключительно мелкими деталями обрядовой практики и приводят не только к идеологическому размежеванию в некогда близких общинах г. Тюмени и ближайшей округи, но и к их внутреннему разделению, дроблению. Это явление может свидетельствовать о существовании глубинных системных изменений в старообрядчестве, отражающих состояние российского общества на рубеже XIX–XX веков. Выдвигается предположение о влиянии ситуации в центре филипповского согласия — московском Братском дворе — на состояние периферийных общин.

SUMMARY. The internal state of communities, based on the analysis of original works of oldbelievers in the late XIX, written by the tyumen community “filippovtsy” V. Makarov and I. Kundyukov is characterized in this article. Controversies between the various factions are revealed. There are some disputable questions, which caused disagreement and led to the ideology separation, their divisions and subdivisions. This phenomenon may indicate the existence of a deep systemic change in the old believery, reflecting the state of Russian society at the the XIX–XX centuries. The authors make a hypothesis that the situation in Moscow Bratskiy Dvor, the center of “filippovskoe soglasie” influenced the state of the peripheral communities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Староверие, мировоззрение, основы вероучения староверов, полемика, раскол староверов.

KEY WORDS. Old believery, ideology, belief system, controversies, divisions.

В результате первого крупного разделения староверия, уже в конце XVII в. образовалось два направления — поповцы (приемлющие священство) и беспоповцы (отрицающие священство). Центром беспоповства стала Выговская пустынь. Вскоре в результате разногласий по некоторым насущным вопросам,

вначале Феодосий Васильев, а затем старец Филипп отделились от поморского согласия беспоповства, образовав новые толки, названные затем по их именам федосеевский и филипповский. Учение этих согласий отличалось от поморского радикализмом — проявлялось это в непримиримом отношении к институтам государства [1; 26]. Также они проповедовали строгий аскетизм.

Несмотря на то, что федосеевское и филипповское согласия считались родственными друг другу, был ряд существенных отличий и, вследствие их, разногласий по догматическим вопросам и предметам обрядовой практики. К таким спорным моментам можно отнести: надпись на кресте, отношение к товарам, приобретенным на рынке, послабление в вопросе брака.

На наш взгляд, взаимоотношения согласий на протяжении XVIII—XIX вв. определялись позициями их лидеров — если они были склонны к компромиссу и готовы «закрывать глаза» на некоторые различия в учениях, подписывались мирные соглашения, так сказать, происходило засвидетельствование дружеских намерений староверов по отношению друг к другу. И, напротив, радикально настроенный лидер пресекал всяческие предложения мирного сосуществования согласий.

Проблема взаимоотношений беспоповских старообрядческих согласий изучалась эпизодически. Внимание обращалось на разобщенность староверов, отмечалось постоянное дробление староверия. Более тщательно изучен только начальный период полемики поморцев и федосеевцев. В работах П.С. Смирнова, посвященных спорам и разногласиям среди старообрядцев в целом, в том числе рассмотрены предметы, вызывавшие расхождения и полемику поморцев и федосеевцев [2]. П.Д. Иустинов сосредоточился на истории федосеевского согласия в сопоставлении с историей поморского согласия [3]. Эти исследователи первыми обратили внимание на волнообразный характер отношений между федосеевцами и поморцами, сопровождавшихся разделением и примерениями, но филипповское согласие осталось вне их размышлений. Основная же заслуга П.Д. Иустинова и П.С. Смирнова состоит во введении в научный оборот огромного количества источников для изучения староверия.

Дальнейшее изучение данной проблемы возобновилось лишь в конце XX века. А.И. Мальцев детально исследовал взаимоотношения трех близких друг другу согласий — поморского, филипповского и федосеевского [4]. Основываясь на произведениях староверов, ученый сделал вывод о том, что «периоды сближения согласий и попытки заключения церковного мира чередуются с непримиримой враждой и острой полемикой между представителями согласий на протяжении XVII — первой половины XIX века» [5].

Одно из полемических сочинений тюменского филипповского наставника В.И. Макарова стало предметом рассмотрения в статье Н.С. Гурьяновой [6].

Изучением идеологии филипповского согласия в XIX в. занимается М.В. Першина [7]. Она делает предположение о существовании двух противостоящих по вопросу об отношении к федосеевцам группировок филипповцев на Братском дворе — лояльно и радикально настроенных. Макарову, как считает исследовательница, близка позиция первых. Возможно, именно поэтому он становится активным защитником версии о родстве двух согласий и восприятия представителей федосеевского согласия как единоверцев.

Отсутствие мира между согласиями порождало неоднозначное отношение между их представителями. И даже в конце XIX в. споры не утихали. Достаточно ярко это демонстрирует полемика наставника филипповской общины Тюмени Варсонофия Ивановича Макарова с лидером группы филипповцев деревни Кулига Иваном Григорьевичем Куньдуковым. Проследить их дискуссию позволяет серия произведений, связанная с полемикой филипповцев по вопросу о федосеевцах из комплекса старообрядческих сборников из собраний рукописных книг Новосибирска и Тюмени* [8].

В настоящее время известно четыре произведения, отражающие споры тюменских филипповцев о федосеевцах: «Вопросы тюменских кулиженским» 1881 г. (14/74; Л. 468 об.-490 об.); «Ответы Варсонофьевы на Ивановы вопросы» 12 августа 1885 г. (5/72; Л. 1-69 об.); «Вопросы Варсонофия Иванова к Ивану Григорьевичу» 1886 г. (9201/2; Л. 450-493 об.); «Вопросы поборников православия к противомудрствующим и хвалящим феодосианская» 1885 г.** (2/77; Л. 873-883 об.). Три из них принадлежат В.И. Макарову и одно его оппоненту И.Г. Куньдукову. В хронологическом отношении все сочинения относятся к 80-м гг. XIX в. «Вопросы тюменских кулиженским» (1881 г.) адресовано Макаровым группе староверов, среди которых упоминаются «Иван Федорович, Григорий Герасимович, Иван Григорьевич и Василий Григорьевич». «Вопросы поборников православия к противомудрствующим и хвалящим феодосианская» (1885 г.) написано Иваном Григорьевичем и обращено Варсонофию Ивановичу. «Ответы Варсонофьевы на Ивановы вопросы» (1885 г.) являются ответами Макарова на вопросы, содержащиеся в «Вопросах поборников православия...». Заменяют подборку «Вопросы Варсонофия Иванова к Ивану Григорьевичу» (1886 г.).

В данной работе будут рассмотрены «Вопросы тюменских кулиженским» и «Вопросы Варсонофия Иванова к Ивану Григорьевичу».

Новосибирская исследовательница Н.С. Гурьянова полагает, что фамилия оппонента Макарова, Ивана Григорьевича — Кабанов. Но более детальное исследование текстов сборников показало, что вероятнее всего, фамилия Ивана Григорьевича — Куньдуков [9; 130].

«Вопросы тюменских кулиженским» были написаны Макаровым в период с 30 апреля по 6 мая 1881 г. (14/74; л. 468 об.; л. 490 об.). Произведение состоит из 28 вопросов. Перед каждым вопросом дается «свидетельство» — четко сформулированная мысль автора, часто с опорой на такие авторитетные источники, как Евангелие, цветники, статьи старообрядческих соборов (как общероссийского, так и местного масштаба), изобразительный ряд икон.

* Комплекс состоит из четырех сборников, три из которых хранятся в г. Новосибирске в Собрании рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН (это сборники 13/74, 14/74, 2/77 и продолжение третьего сборника — рукопись 5/72, ныне самостоятельная единица хранения), четвертый сборник хранится в отделе редкой книги Тюменского областного краеведческого музея (9201/2). Все сборники имеют сплошную пагинацию. Далее ссылки на листы сборников будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием шифра.

** В «Описании...» в качестве даты создания указан 1887 г., но «ответы» не могли быть написаны ранее «вопросов», написанных в 1885 г. Следовательно, вкралась ошибка и дата написания произведения — 1885 г.

Ядром полемического сочинения являются споры о кресте на кадилънице и о крестообразном каждении. Варсонофий Иванович стремился оправдать целесообразность присутствия креста на кадилънице и крестообразного каждения. Свое первое «свидетельство» он подтверждал ссылкой на изображения икон: «на святых иконах, на меднолитных и на древлеписменных, образ Успения Пресвятыя Богородицы каждение...явно нам изображено, яко крестообразно суть» (14/74; л. 468 об.).

Макаров, отмечая, что в среде староверов «от начала веры» было распространено крестообразное каждение и кадилъницы с крестами, ссылался на отсутствие информации об их запрете в авторитетных источниках. «И сие явно видети дает, от самого начала христианския веры и до настоящего времени в христианах таковых предерзателей не было, чтобы кто с кадилъниц кресты убирал. А кадилъницы, видится, что с начала веры с крестами, потому что еще и при успении владычицы таковая была со крестом кадилъница» (14/74; л. 469 об.).

Содержание письма свидетельствует, что представители тюменской и кулиженской общин были достаточно миролюбиво настроены друг к другу до тех пор, пока часть кулиженцев не задалась вопросом об отношении к федосеевцам и не стала демонстрировать свое непримиримое отношение к староверам, воспринимавшим федосеевцев как представителей родственного согласия. Демонстративность поведения видится нами в резком осуждении позиции лояльных филипповцев, в отделении от недавних единоверцев и обвинении их в еретичестве. Отвечая на обвинения, Макаров апеллировал к факту еще совсем недавних мирных взаимоотношений общин Кулиги и Тюмени, совместного молитвенного общения группы под руководством Ивана Григорьевича с остальными староверами-филипповцами. «Аще ли вы себя почтите тако, что до сего время были не христиане, затем что вместе с теми были, у кого кресты на кадилъницах, то где же до сих пор вера была. При том же обществе имеющихся кадилъниц со крестами и кажения крестообразнаго, неции из вас бывшии во отступлении от веры и примирялись к тому обществу христианскому, в котором имеются кресты на кадилъницах и которы примиряли вас в соединении ко христианам, и те померли без разделу, они с нами вместе, едина церковь и тело, не разделились за кресты, что они на кадилъницах» (14/74; л. 473 об.).

Спор о надписи на кресте вращался вокруг ее формулы. Федосеевцы допускали так называемое «пилатово титло» — I.H.C.I., чего не принимали ни поморцы, ни филипповцы, которые предпочитали надпись I.X.C.C. Споры длились долгое время. Федосеевцами постоянно велись поиски древних крестов с «пилатовой титлой», однако, они не увенчались успехом и споры не утихали. Варсонофий Иванович отмечал, что ведутся поиски подтверждения правильности написания «пилатова титла» на кресте: «А об оной Пилатом написанной титле воображали ли ею в древлеправославной церкви четырьмя буквами святии на образех крестных, о сем достоверных свидетельств ищем; да того ради и писати тех букв опасаемся, понеже у древних святых воображены не обретаем. А когда прилучится нам быти в странных и обретающимся у них животворящим крестам с подписанием: царь славы Исус Христос ника. Аще и титла на тех же крестах четырьмя буквами воображена, и тем животворящим крестам поклонение творим и инем советуем поклонение творити» (14/74 л. 477).

Далее Варсонофий Иванович в знак мирных взаимоотношений тюменцев и кулиженцев, привел примеры визитов староверов друг к другу. «Времянно приезжали при моей бытности в Тюмень Артемий Степанович* и Иван Емельянович и молились с нами с тюменскими вместе и кадили кадилницами каки у нас в Тюмени имеются, а особых кадилниц ради своего приезда не требовали и кресты с кадилниц не убирала. Но и кадили когда Артемей Степанович и Иван Емельянович, то со обожением, а когда Мартин Тарасович кадил, то крестообразно, но обаче за ето церковь не разделили надвое и тако без разделу и померли» (14/74 л. 479 об.).

Конечной целью обращения Варсонофия Ивановича к оппонентам являлось объединение, недопущение очередного дробления согласия. Демонстрировалось благожелательное отношение: «вас не бранили и не браним за застарелые обычаи» (14/74; л. 489 об.). Автор заключил в «надсловии» к вопросам: «Того ради молю вас, братие, да останемся без раздоров...но пребудем в любви и Бог с нами пребудет» (14/74; л.489 об.-490). Однако при этом настаивал на возвращении к старому обычаю: «да и в том еще просим вас с которых кадилниц кресты сняли, поставте их опять на свое место, потому что в писании не видится того, чтоб заставлено было убирать кресты с кадилниц» (14/74; л. 490).

Первое послание Макарова было адресовано группе староверов, в дальнейшем от группы кулиженских филипповцев выступает только Иван Григорьевич Куньдуков.

«Вопросы Варсонофия Иванова ко Ивану Григорьевичю» были «начаты писать» 31 марта 1886 г. (9201/2; л. 451). Позиция Макарова приведена еще в преамбуле к сочинению: «Аз грешный и недостойный и непотребный Варсонофей начинаю писати всепревозлюбленнейшему моему брату, иже некогда бывшему со мною единомысленному сотруднику и во благих поспешнику, ныне же сопротивне на мя воставшему, Ивану Григорьевичю от мене и от единомысленных со мною братии от православных христиан краткия наши вопросы» (9201/2; л. 450). В приведенном фрагменте прослеживается сожаление по поводу возникших разногласий. Предпринимается очередная попытка смягчить позицию Ивана Григорьевича «любовью христианской». Лояльность Макарова проявляется во всем — как в позиции по отношению к федосеевцам, так и в том, что его сочинения не содержат резкой критики оппонента. Основное оружие тюменского наставника — его начитанность.

Текст произведения позволяет восстановить и хронологию конфликта. Макаров указывает, что Иван Григорьевич образовал группу сторонников и отделился от общины своих единоверцев в 1883 г.

Центральная тема этого сочинения Макарова — отношение к федосеевцам, квалифицировать ли их как еретиков или принимать как представителей близкого филипповцам согласия.

Варсонофий Иванович подкрепил свои доводы фрагментом предисловия «Тюменских статей» 1805 г., закреплявших взаимоотношения филипповцев и федосеевцев г. Тюмени: «По общему совету всех христиан собравшихся в городе Тюмене у некоего боголюбца, и совопрошались беседою от божественнаго

* *Артемий Степанович Лазарев — глава кулаковской филипповской общины староверов. Был достаточно авторитетным наставником, грамотным начетчиком.*

писания о догматах церковных и обычаях от древлепоследующих. И *положились мы соборне вси на едино общее с теми, кои придержались феоdosиевых согласии* (курсивом выделено нами — примечание авторов) вси со утвержением, чтобы нам последовать прежним страдалцем и учителем церковным, которые за древлецерковное благочестие от Никона и его новолоубцев и жизнь свою окончише» (9201/2; л. 454).

Иван Григорьевич, в отличие от Макарова, придерживался более радикальных взглядов. Он квалифицировал федосеевцев как еретиков. Основной упор Иван Григорьевич делал на обвинение Макарова и его единоверцев в несоблюдении предписанных правил и введении новин, к которым он относил крест на кадильнице и крестообразное каждение, фактически обвиняя тех в еретичестве.

Итак, полемика между филипповцами прошла свой путь от незначительных обрядовых разногласий до разрыва отношений и обвинений в еретичестве. Позиция Ивана Григорьевича не претерпела изменений — он твердо оставался на позициях неприятия федосеевцев, несмотря на все мирные соглашения согласий и даже на постановления местного Тюменского собора 1805 г. четко закреплявшего единение филипповцев и федосеевцев. Куньдуков радикален во взглядах, резок и непреклонен в полемике.

Варсонофий Иванович лоялен как во взглядах, так и в полемике. Терпеливо отвечал на все вопросы оппонента с приведением доказательств, а в отсутствие ответа оппонента написал новые вопросы с приведением новых аргументов, которые, очевидно, так и не достигли должного эффекта — воссоединения с отделившейся частью кулиженской общины филипповцев.

Немаловажным в изучении данной полемики является тот факт, что Московский Братский двор, ставший к середине XIX в. координирующим центром филипповского согласия, в 1870-1890-е гг. распался на две группировки — сторонников более терпимого отношения к федосеевцам и «староженам» и их непримиримых противников. М.В. Першина приходит к выводу о том, что В.И. Макарову была близка позиция лояльной политики в отношении федосеевцев, что подтверждает и данная полемика. Возможно, это отражение на региональном уровне обстановки в центре согласия — на Братском дворе. М.В. Першина высказывает предположение, что в полемике между двумя филипповскими группировками преимущество было у наиболее радикально настроенной по отношению к федосеевцам группы [10; 31].

В 1882 г. в деревне Поповка близ г. Коломна состоялся старообрядческий собор, на котором было принято постановление, устанавливающее жесткие правила принятия вологодских федосеевцев, что закрепило победу радикальной группировки Братского двора.

Статья 15 московского собора 1895 г. гласила: «Тюменской местности христиане неколико человек приняты быша в Церкви христовой с 4-десятым постом, последи же оказаяся, что у них более 30-ти лет потомственные православныя крестители прекратились, а заступили их пролазом вшедшия к ним федосеевцы. С тех пор и началось крещение в них федосеевское» [10; 32]. Авторы соборного постановления назвали последним «законным» крестителем Артемия Степановича.

На наш взгляд, взаимоотношения согласий на протяжении XVIII-XIX вв. определялись позициями их лидеров — если они были склонны к компромис-

су и готовы «закрыть глаза» на некоторые различия в учениях, подписывались мирные соглашения, так сказать, происходило засвидетельствование дружеских намерений староверов по отношению друг к другу. И, напротив, радикально настроенный лидер пресекал всяческие предложения мирного сосуществования согласий.

Но совершенно очевидно, что во второй половине XIX в. старообрядчество отходит от обсуждения важных догматических или исторических проблем. Дискуссии, посвященные мелким деталям обрядовой практики, выливаются в дробление согласия, что, в свою очередь, может свидетельствовать о духовном кризисе старообрядчества. Мелочи вызывали не только неутрачивающие споры, но и являлись причиной разделения старообрядчества на множество групп, общин, толков.

Прикрываясь охранением «истинной веры», ужесточались правила чиноприема, отмечался возврат на былые радикальные позиции, которые отталкивали староверов, заставляя их задуматься, истинна ли выбранная ими «вера» — старообрядческое согласие, толк. Итог — отделение, создание еще более мелкого толка, либо поиск единомышленников для объединения и противостояния радикально настроенной части староверов.

Еще предстоит выяснить, были ли подобные региональные разделы обусловлены противостоянием двух группировок на Братском дворе, лидирующей из которых была радикальная, либо существовали глубинные причины, неумолимо приводившие к кризису старообрядчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миловидов В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. 112 с.
2. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909; Смирнов П.С. Споры в расколе во второй четверти XVIII века // Христианское чтение. 1911. № 1. С. 50-73; № 2. С. 168-195; № 3. С. 325-352; № 4. С. 451-490.
3. Иустинов П.Д. Федосеевщина при жизни ее основателя // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 256-281; № 3. С. 391-414; № 4. С. 604-615; Иустинов П.Д. К истории федосеевского толка // Богословский вестник. 1910. № 9. С. 135-148; № 11. С. 483-497; № 12. С. 680-694; 1911. № 5. С. 194-208.
4. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII—начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 573 с.
5. Мальцев А.И. Проблемы взаимоотношений старообрядцев филипповского и поморского согласий во второй половине XVIII в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 139-154.
6. Гурьянова Н.С. К истории взаимоотношений между филипповским и федосеевским согласиями // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. №3. С. 59-63.
7. Першина М.В. Обсуждение вопроса отношения к браку в филипповском согласии в конце XIX в. // Гуманитарный ежегодник. Новосибирск, 2005. Вып. 6. С. 3-11; Першина М.В. Братский двор и региональные общины филипповского согласия во второй половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 28-33; Першина М.В. Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 19-23.
8. Описание сборников: Беляева О.К., Панич Т.В., Титова Л.В. Описание тюменских старообрядческих сборников из рукописных собраний ИИиФ СО АН СССР и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. С. 156-268. Темплинг В.Я. «Начах писать сии статьи в пользу душеспасительную чтущим...» (старообрядческий книжник В.И. Макаров) // Вестник ТюмГУ. 1999. № 2. С. 162-167.

9. Груздева Н.С. Споры и разделения в филипповской общине старообрядцев г. Тюмени и с. Таватуй в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX века // Старообрядчество в Тюменском крае в XVII–XXI вв. 2008. Вып. 2. С. 128–144.

10. Першина М.В. Братский двор и региональные общины филипповского согласия во второй половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 28–33

REFERENCES

1. Milovidov, V.F. *Staroobryadchestvo v proshlom i nastojashhem* [Old Believers in the past and the present]. Moscow, 1969. 112 p. (in Russian)

2. Smirnov, P.S. *Spory i razdelenija v russkom raskole v pervoj chetverti XVIII v.* [Controversy and division in the Russian Schism in the first quarter of the XVIII century]. S.-Petersburg, 1909. Smirnov, P.S. Disputes in the schism in the second quarter of XVIII century. *Hristianskoe chtenie — Christian reading*. 1911. No. 1. Pp. 50–73; No. 2. Pp. 168–195; No. 3. P. 325–352; No. 4. Pp. 451–490 (in Russian).

3. Iustinov, P.D. Fedoseevschina inter vivos of its founder. *Hristianskoe chtenie — Christian reading*. 1906. No. 2. Pp. 256–281; No. 3. Pp. 391–414; No. 4. Pp. 604–615; Iustinov, P.D. To the history Fedoseevsky wing. *Bogoslovsky vestnik — Theological Journal*. 1910. No. 9. Pp. 135–148; No. 11. Pp. 483–497; No. 12. Pp. 680–694, 1911. No. 5. Pp. 194–208 (in Russian).

4. Mal'cev, A.I. *Staroobryadcheskie bespopovskie soglasija v XVIII—nachale XIX v.: problema vzaimootnoshenij* [Old Believers agreements without priests in XVIII—early XIX centuries: The problem of relationships]. Novosibirsk: Sova, 2006. 573 p. (in Russian)

5. Mal'cev, A.I. Relationship problems of Filippov Old Believers and Pomeranian consents in the second half of the XVIII century. *Istochniki po russkoj istorii i literature: Srednevekov'e i Novoe vremja — Sources on the basis of Russian history and literature: The Middle Ages and modern times*. Novosibirsk: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 139–154 (in Russian).

6. Gur'janova, N.S. To the history of relations between the Filippov and Fedoseev consents. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanities in Siberia*. No. 3. 2003. Pp. 59–63 (in Russian).

7. Pershina, M.V. Discussion of the attitude towards marriage in Filippov agreement at the end of XIX century. *Gumanitarnyj ezhegodnik — Humanities yearbook*. Novosibirsk, 2005. No. 6. Pp. 3–11; Pershina, M.V. Fraternal yard and regional communities of Filippov agreement in the second half of XIX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanities in Siberia*. No. 3. 2006. Pp. 28–33; Pershina, M.V. Filippov community in Tyumen and Fraternal yard. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanities in Siberia*. No. 3. 2009. Pp. 19–23 (in Russian).

8. Description of collections: Beljaeva, D.C., Panich, T.V., Titova, L.V. Description Tyumen Old Believers collections of manuscripts collections IiF of the USSR and the USU. *Istochniki po istorii obshhestvennoj mysli i kul'tury jepohi pozdnego feodalizma — Sources based on the history of social thought and culture of late feudalism*. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 156–268. Templing, V.Y. «Nachah pisat sii staji v polzu dushespasitelnuyu chtushim...» (old-believe scribe V.I. Makarov). *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 1999. No. 2. Pp. 162–167 (in Russian).

9. Gruzdeva, N.S., Arguments and Divisions in Filippovskaya Community of Old Believers in Tyumen and Tavatuy village at the end of 80^s-beginning of 90^s of the 20th century. *Staroobryadchestvo v Tjumenskom krae v XVII–XXI vv. — Old Belief in Tyumen Region in the 17th–21th centuries*. 2008. Issue 2. P. 128–144 (in Russian).

10. Pershina, M.V. Fraternal yard and regional communities of Filippov agreement in the second half of XIX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanities in Siberia*. No. 3. 2006. Pp. 28–33

© Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВ

krest_e_a@mail.ru

УДК 94:378:34(571.16)

**ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА СЛУЖБЕ ЮСТИЦИИ***

АННОТАЦИЯ. Преподаватели-ученые университета дореволюционного Томска оказывали помощь государственным органам, в частности, судебным. Их участие в жизни сибирской системы правосудия конца XIX — начала XX в. осуществлялось несколькими способами. Один из них состоял в подготовке юридическим факультетом квалифицированных кадров для юстиции края. Идея совершенствования судоустройства и судопроизводства реализовывалась через Томское юридическое общество, где профессора совместно с практикующими юристами обсуждали насущные вопросы правовой теории и практики, а также разрабатывали рекомендации по улучшению судебных порядков, к которым, однако, власть не прислушивалась. Непосредственно судебную службу профессура несла почетными мировыми судьями, но обременительность этой общественной обязанности, недостатки судебной организации и занятость собственной деятельностью не привлекали к отправлению правосудия в данном качестве. Некоторые педагоги еще до начала университетской карьеры имели успешный опыт работы государственными чиновниками. В целом, в конце XIX в. были созданы благоприятные условия для сотрудничества юстиции и профессорско-преподавательского состава, большей плодотворности которого препятствовало обострение отношений между государством и обществом.

SUMMARY. Teachers-scientists of the university in pre-revolutionary Tomsk assisted the public institutions including and the judicial ones. Their participation in the life of Siberian legal system at the late XIX–XX early centuries was performed in several ways. One of them included the training of qualified personnel by the faculty of law for the justice of territory. The idea of improving the judicial system and the legal procedure was actualized through the Tomsk legal society. There professors along with legal practitioners debated urgent questions of the theory and practice of law and also worked out recommendations for the improvement of legal process, which, however, were not taken into consideration by the State authority. The judicial service was mainly carried out by the Honorable World Judges, but inconvenience of this social duty, shortcomings of the court system and a great deal of their own activities brought the quality of the justice down. Some educational specialists had a successful work experience as officials of the State before their career in the university. On the whole, at the end of XIX century favorable conditions were created for collaboration of the justice and the faculty, which fruitfulness was obstructed by the strained relationships between the State and the society.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение № 14.В37.21.0481 «Судьба историка в региональном измерении» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2013 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Профессора, Томский университет, суд дореволюционной Сибири.

KEY WORDS. Professors, Tomsk University, court in pre-revolutionary Siberia.

Принципы и условия судебной реформы 1864 г. для обеспечения справедливым правосудием требовали симметричного участия государства и общества в суде, диктуя необходимость привлечения к судопроизводству общественности. Преобразование востребовало большое количество высококвалифицированных кадров, сделало насущными совершенствование юриспруденции и юридического образования, улучшение контингента правоведов и расширение их связи с судебной практикой.

Судебные уставы Александра II вводились в Сибири только в июле 1897 г. с существенными ограничениями, и общественные интересы в новой юстиции в крае мог соблюсти лишь один институт — почетные мировые судьи (далее — ПМС). К тому моменту девять лет функционировал Томский университет в составе единственного медицинского факультета, но судебная реформа сделала неизбежным учреждение при нем еще юридического факультета [1; 46-50], установленного в декабре 1897 г. [2] и начавшего деятельность в октябре следующего года [3].

Таким образом, появился потенциал для сотрудничества крупного научного центра — университета с его подразделениями и профессорско-преподавательским коллективом, и судебной системы, теперь открытой и нуждавшейся в содействии, которое профессура осуществляла тремя главными способами: в силу служебных обязанностей обучая будущих специалистов, улучшением правосудия путем его исследования и непосредственным участием в судопроизводстве.

В Сибири ощущалась острая нехватка лиц с юридической подготовкой и в ходе судебной реформы конца XIX в. 47% всех назначений выпало на долю людей, так или иначе знакомых с краем, а 53% лиц увидели его впервые [4]. Между тем, перевод человека с юридическим образованием из Европейской России требовал казенный расход до 8000 руб. [1; 48], и на профессоров нового юридического факультета при единственном сибирском университете возлагалась миссия наполнить юстицию кадрами. Опасения, что могут возникнуть проблемы «по части приискания педагогического персонала» [5], не оправдались. Качество даже первоначального профессорско-преподавательского состава юридического факультета вряд ли вызывало нарекания: преподаватели И.Г. Табашников (декан новорожденного университетского подразделения [6]), И.А. Малиновский, С.И. Живаго, М.А. Рейснер, Н.Н. Розин приехали из вузов Европейской России (Московский, Санкт-Петербургский, Новороссийский, Св. Владимира университеты и Новоалександрійский институт) [7] и уже имели опыт [8; 94-95, 161-165, 204-207, 212-215, 247-249], позволявший качественно готовить лиц так необходимой региону профессии.

За пять лет существования факультета на него было зачислено 451 человек [9], а первые студенты покинули *alma mater* с дипломами в 1902 г. [10; 505]. По сведениям профессора В.В. Сапожникова, за десять лет «юридический факультет выпустил больше 400 лиц, пополнивших своими молодыми силами новые сибирские суды» [11]; всего же с 1898 по 1916 гг. было подготовлено 748 специалистов [12].

Профессора-юристы активно участвовали в повышении уровня профессиональной культуры судебных деятелей, укреплении единства служащих право-